

«Нутук»: к вопросу о понятии «кочевье» и территории расселения ойратов (на материалах фольклора)¹

Во многих работах монголоведческого характера одной из устоявшихся констант представляется номадический характер культуры народов монгольской группы. Культура монголов – кочевников Центральной Азии представляется как классическая в исследованиях по хозяйственно-культурным типам. В системе основных координат кочевнической культуры обычно рассматривается и понятие «нутук» (калм. *нутг*), чаще всего переводимое как «кочевье», хотя спектр значений этого термина шире: *нутг* – «1) родное место, родина, родной улус, *төрсн һазр* – родина, родное место; 2) фольк. владения, 3) кочевье, место кочевий» [1, с. 387].

Исследуя концепт «Родина» в культуре монголоязычных народов, М. М. Содномпилова приводит основные термины, транслирующие понятия «земля», «мир» (*дайда* – мир, *дэлхий/дэлхэй* – мир, *земля, газар* – земля, *орон* – страна, *газар дайда* – земля, мир, места, местность, территория, *газар усун* – земля-вода, белый свет, *алтан дэлхий* – земля-матушка), а также термины, обозначающие малую родину (*ехэ орон, нутаг/нутуг/нутук, тукум*), которые охватывают спектр понятий «родина, кочевье» [2, с. 210; 3, с. 260; 4, с. 124]. Освещая проблему земельных отношений в кочевом обществе, исследователь определяет «нутук» как «пространство земли, достаточное для содержания той или иной кочевой единицы», которое считалось принадлежащим господину – нойону или царевичу [3, с. 195].

Этнографические материалы показывают, что понятие «нутук» является многозначным и связано не только со значением «кочевье». При

¹ Работа выполнена при поддержке подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН: «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» по проекту «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика».

этом необходимо учитывать, что проблемы перехода монголов к кочевому скотоводству, и в том числе датировка изменения типа хозяйства, еще недостаточно исследованы, а хозяйственно-культурный тип народов монгольского круга отличался специфическими особенностями, которые сформировались под влиянием естественно-географических условий обитания: «главные наши источники, как Рашид-ад-дин, так и «Сокровенное сказание» разделяют монгольские племена XII в. на две группы ... : на группу племен лесных или звероловных [hoiyn irgen] и на группу степных или скотоводческих [ke'er-ün irgen]» [5, с. 328–239]. По мнению ряда исследователей, для ранних монголов не являлось чуждым земледелие [6]. Б. Я. Владимирцов отмечал, что «в источниках и пособиях наших имеется несколько намеков на то, что в некоторых местах древние монголы жили оседло и занимались земледелием и рыболовством», но этот вопрос недостаточно исследован [5, с. 340]. В. С. Стариковым высказана идея о монголо-маньчжуро-корейском центре земледелия; по мнению этого ученого, земледелие маньчжуров связано с монголами [7, с. 104, 105, 166]. В. И. Рассадин предположил, что монгольские племена жили компактно, «причем, где-то по соседству и в тесном контакте с тунгусо-маньчжурскими племенами», а свиноводство монголов имеет независимое происхождение [8, с. 71, 76]. Исследовав с позиций междисциплинарных исследований данную проблему, Б. Б. Дашибалов пришел к выводу, что древние этапы культуругеноза монголов были связаны с оседлыми земледельческими культурами восточноазиатского типа, предки монголов проживали оседло в районе, имевшем выход к морскому побережью, занимались земледелием и свиноводством [6; 9].

Предки калмыков – ойраты – в конце XII – начале XIII в. являлись «лесным народом», они обитали в пограничной зоне между лесом и степью и занимались как охотой и рыболовством, так и скотоводством. «Родина древних ойратов Восьмиречье (Секиз-мурэн) (современная территория восточной части Тывы и Хубсугульского аймака Монголии) находилась на стыке горно-степных и горно-таежных районов, что явилось определяющим фактором в их хозяйственной деятельности» [10, с. 213]. К XIII в. «лесные» монголы делились на две группы: собственно охотники; скотоводы и земледельцы, в хозяйстве которых охота имела подсобное значение. Ойраты и их соседи по Прибайкалью (называвшемуся монголами Баргуджин Токум) относились, по мнению калмыковедов, ко второй группе [10, с. 204–205]. Более раннюю историю монгольских племен исследователи связывают с иной территорией: нижнее течение р. Онон, или верховья Амура [11, с. 161], или нижнее и среднее течение Амура, территория восточнее и северо-восточнее современной Монголии

по южным берегам Амура, от устья Аргуни до устья Нонни и по северной полосе современной Маньчжурии [12, с. 134]. По мнению Л. Р. Кызласова, на данной территории в VI–IX вв. ранние монголы обитали в лесах, занимались охотой и рыболовством, разведением свиней и лошадей, и лишь с движением киданей с X в. их племена начали миграцию на запад; на обширной территории до Дальнего Востока в это время прослеживалось влияние культур тюркоязычных степных народов: «Археологические находки подтверждают сильнейшее воздействие степных культур западного «карасукского» и особенного «тагарского» облика не только на области Северного Китая, которые прилегают к степной зоне, но и на равнины Маньчжурии, вплоть до Приамурья и Приморья [12, с. 129–130]. Б. Б. Дашибалов и В. И. Рассадин считают, что формирование культуры протомонголов как оседлых земледельцев, свиноводов, имевших выход к морскому побережью, может быть связано с Южной Маньчжурией [9; 13]. «Лесной» период, как и контакты с тюркскими племенами, по мнению С. Ю. Неклюдова, сильнее отражены в мифологии ойратов и калмыков по сравнению с другими монголами [14].

К периоду формирования калмыцкого этноса этнические группы, консолидировавшиеся в единый народ, в хозяйственном отношении представляли кочевников. Поэтому по отношению к калмыцкому скотоводческому обществу термин «нутук» (*нутг*) рассматривается в аспекте понятий номадической культуры как территория кочевий улуса. В Калмыцком ханстве территории кочевий улусов, возглавлявшихся владельцами – нойонами, были определенными, и нарушение системы кочевий каралось ханской властью и судом. Основное направление перекочевок было меридианальным, и до периода, когда территории кочевий стали сокращаться под давлением царских властей, весенне-летний сезон калмыки проводили на левой стороне Волги, а зимовали на правобережье и на левобережье в приморских районах. При этом необходимо учитывать, что, хотя места кочевок и являлись определенными, но они могли меняться под влиянием каких-либо значительных событий (миграции, войны, межэтнические и междоусобные конфликты и др.). В эти моменты менялось и «родное место», а понятия, с ним связанные, осмыслялись более широко.

Значение термина «нутук» в начальный период этнической истории калмыков можно выяснить на основе привлечения к анализу такого уникального вида исторических источников, как письма калмыцких ханов и их современников, содержащие деловую переписку верхушки Калмыцкого ханства с российской администрацией, благодаря чему эти письменные памятники (на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг» – «ясном письме» – и в русском переводе) отложились в архивах. В письмах кал-

мыцких ханов и их современников термином «нутук» обычно обозначается территория кочевья. Так, об удалении от территории кочевья в связи с оказанием военной помощи в одном из писем говорилось: «Кубанские татары не понесли большого ущерба, но, находясь в одиночестве, я со своим войском выступил от границ нутука и добрался до Кубани» (*Йэру Хобони мангхуд эбдэрэжи йэкэ үгэй хагца болугсан ду цэриг мордожи нутугийн захаса мордожи Хобонду күрэби* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 317)) [цит по: 15, с. 79]. В таком же значении используется термин «нутук» и в других местах: «*Цэриг мани түрүүни нутугийн захаду ирээси* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5) – «Войско прибыло к переднему краю нашего владения»; *Нутугийн захаду цэриг харба бида* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9) – «Мы выставили войско на границе кочевья» [15, с. 76]. Образованный от существительного *нутг* глагол *нутгх* соответственно обозначал расположение [на какой-либо территории], местонахождение определенной группы кочевников. К примеру, в письме Убаши-хана от 4.10.1765 г. на имя главы учреждения «Калмыцкие дела» И. А. Кишенского, в котором указывались факты притеснений калмыков, говорилось: «Мана хальмг кезэнэс нааран үвлэс биш хурвн цагт Ижлд *нутггэж бээдгиг* та медх киртэ биший. Ода шидрэ түүндмдн балһсн, батаһ бэрэд, шидринэн һазрт хальмг эс халһад, урдк заңгарн *нутггэж йовий* гихлэ, өвсн, түлэн модн гигчэс өөд зарһта-цүүһэтэ болад, Ижлэс талдан манд *нутггэж бээх* һазр уга болад, йирин мана хальмг гигч Ижлэс өвс эс идх, түлэ, геринэн мод эс авх, нег түржзүдх цагтан малдан мод утлж эс өгх киртэ болад бээж эс бээнү. Йирин мана хальмг кезэнэс нааран эзнэ хээрэр Ижлд *нутггэж йовдг* бишийвидн». Переводчик Т. Щетнев 5.10.1765 г. это место интерпретировал так: «Сим самим небезизвестно, что наши калмыки издревле кроме зимняго времени находятся при Волге. А ныне, пред недавним временем на тех местах поставя города и ватаги, и близко к тем местам калмык не припускают. Есть ли ж наши по прежнему в те места взойдут, то как в траве, так и в дровах происходит ссора и суд. Нам же кроме Волги находиться других не имеется. Сверх же сего как видно, что нашим калмыкам при Волге ни травы, ни рубить дано не будет. Мы же калмыки все при Волге находимся по милости государыниной» [16, с. 60–61].

В то же время изменение территории кочевания означало, что весь «нутук» изменил локализацию, и в этом конкретном случае термин «нутук» может рассматриваться не просто как территория, все кочевье, включая улус, осуществляющий миграцию: «Нутук наш стал подниматься выше по реке и откочевал за пределы владений Айшева Читера» (*Нутук бидан өөдөлөжи Айишин Читэрээсэ цаару нөүбэ* (НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 52)) [15, с. 80]. Так же можно понимать выражение *нутггэж йовх*, которое

встретилось в цитированном ранее письме Убаши-хана, которое переведено было современником в одном случае «взойдут» [на старое место кочевий] в другом случае – «находятся» [16, с. 61]. Таким образом, в период функционирования Калмыцкого ханства понятие «нутук» означало место кочевий, владения, а конкретно в период миграции, когда менялись территории, – и сам движущийся улус, т. е. население).

После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г., последовавшей вслед за откочевкой большей части народа в пределы Джунгарии, и определения границ Калмыцкой степи Астраханской губернии территории кочевий значительно были сокращены, а система их распределения трансформировалась. Изменения в системе кочевок отразились и на понятии «нутук» (*нутэ*), которое стало сближаться с понятием территориально-административной единицы – улуса или аймака. Так, на вопрос о происхождении во время проведения экспедиции по проекту «Генография» (2007 г.) информанты давали следующие ответы: *Баһ дөрвд, Баһ хурла нутг* («Нутук Малодербетовский [по названию улуса], Бага хурула»); *Баһ дөрвд нутг, Баһ хурла эңг* («Нутук Малодербетовский, этническая группа Бага хурула»); *Баһ дөрвд, Буурлахна, үлдчир нутга* («Малодербетовский [улус], Бурулы [этническая группа], из нутука ульдючинского»). Понятие «нутук» прежде обозначало территорию определенной группы (употребляемым является понятие *эңг-нутг* (этническая группа-нутук)). Но также распространено понятие *ээмг-нутг* (аймак [административная единица, часть улуса]-нутук), происхождение которого более позднее.

В культуре бурят также происходили трансформации содержания данного понятия. По мнению М. М. Содномпиловой, «термин «нутук», первоначально обозначавший территорию проживания, позднее стал осмысливаться и как «место рождения», при этом «в культуре кочевых этносов существовали глубокие духовные связи с землей, а ряд фактов позволяет усомниться в том, что кочевники ... легко могли менять места проживания» [4, с. 124, 126]. Исследователь связывает происхождение ряда специфических характеристик в представлениях о родной территории с полусоседностью этнических групп, для которых «обязательным условием считалось наличие и поддержание тесной связи человека с родовой территорией» [4, с. 127].

В культуре калмыков до настоящего времени сохранились сходные традиции и представления о родной земле как месте рождения и обитания предков, характерные для календарной и погребальной обрядности. Так, в современных обрядах жертвоприношения родной земле и воде (*һазр-усн/* букв. «земля-вода») принято выезжать на места поселения предков и/или этнической группы, нарушение этого условия зачастую рассматривается

как неканоническое следование традициям. В похоронной обрядности приняты обычаи захоронения на родной земле, и порой погребальные процессии вынуждены преодолевать путь в сотни километров (в случае если жизнь человека закончилась в районе проживания неродной для него этнической группы).

Указанные характеристики свидетельствуют, с одной стороны, о традициях, сложившихся при переходе от кочевого скотоводства к полuosедлому и оседлому быту. С другой стороны, необходимо учитывать то, что понятие «нутук» (*нутг*) – родная территория – складывалось, начиная с периода сложения этнической общности, еще в ойратский период жизни этноса, когда предки калмыков – западные монголы – считались «лесным народом», занимавшимся охотой, рыболовством и частично переходившим к производящим типам хозяйства.

Этнические представления о «нутуке» как месте проживания этнических групп могут дать дополнительную информацию о географии расселения предков калмыков – ойратов. В этой связи представляет интерес анализ выражения *нутг усн болх* (букв. «стать родной землей, родной водой»), который авторы двуязычного калмыцко-русского словаря переводят как «вступить в брак» [1, с. 387], при этом последнее значение семантически обозначает включение в новое родовое сообщество. Таким образом, этимологически данное понятие означает восприятие в качестве родины, родного места, новой территории, связанной с водной стихией (*усн* – «вода, водный» [1, с. 538]). Глубинное значение понятия *нутг усн* также раскрывается в связи с анализом понятия «земля-вода», под которым понимается пространство этноса. В культуре многих народов алтайской общности понятие «земля-вода» (калм. *һазр-усн*) является обозначением территории, имеющей собственного духа-покровителя, или хозяина местности. Последнее свидетельствует об архаических истоках понятий *һазр-усн* («земля-вода») и *нутг усн* («земля-вода» или «родная территория-вода»).

В данной связи весьма интересно сопоставление противоположных значений, которые могут быть присущи понятию «вода». С одной стороны, выражение *нутг усн болх* семантически связывается с освоением нового пространства (включая водное), которое становится родным. С другой стороны, необходимо учитывать, что в традиционных представлениях брачующиеся стороны представляли как чужеродные, обладающие своим сакральным пространством, в которое символически включался новый человек. Учеными анализируется значение воды, реки, океана как маркера чужой территории, границы между мирами. В таком аспекте рассматривается мотив преодоления водного пространства в статье Д. В. Убушиевой

в данном сборнике [17], основанной на анализе песен Багацохуровского цикла (записанного среди калмыков-торгутов локального цикла, сохранившего архаические истоки). Как отмечает Д. В. Убушиева, символика океана/моря в песнях данного цикла состоит в пограничности; океан делит мир как по горизонтали, так и по вертикали [17]. Данный маркер характерен, отмечает исследователь, только для Багацохуровского цикла «Джангара».

Символика воды как основного элемента в понятии *нутг усн болх* («стать родной землей-водой» / вступить в брак») связана с определяющим значением водных источников как «главного и необходимого для жизнедеятельности элемента ландшафта» [3, с. 221]. Но в этой взаимосвязи результативным может быть и сопоставление калмыцкого понятия *нутг усн* с монгольским *ебесун-усун* («трава-вода»), которое является синонимом «*nutug, nuntuγ* – кочевье» и, по мнению Л. Л. Викторовой, отражает особую роль в кочевом монгольском обществе скота и продуктивности и площади пастбищ, которые могли лимитировать его количество [11, с. 111]. Таким образом, уточненный термин «*ебесун-усун*» отражает кочевнические представления о пастбищах как основном содержании кочевья, факторе, определяющем количество скота, а значит, богатство общества.

В связи с понятием *нутг усн* («родная земля-вода») необходимо рассматривать сведения о так называемых «водяных» монголах, которые известны по данным западноевропейских путешественников В. Рубрука и П. Карпини: в XIII в. эти народы проживали к востоку от «степных» монголов, занимавшихся скотоводством, и занимались рыбной ловлей и охотой. В настоящее время «ученые сходятся во мнении о тождестве водяных монголов и шивэйских племен Восточного Забайкалья и Верхнего Амура, которые упоминаются в китайских хрониках с V в. до конца Ляоской династии. С шивэйцами связывается большая группа погребений так называемой бурхотуйской культуры, изучение которой позволило археологам установить, что ее носители занимались рыболовством, охотой и скотоводством, в их состав входили монголоязычные, тюркоязычные и тунгусо-маньчжурские племена Приамурья» [18, с. 52]. Концепции, согласно которой под названием «шивэй» китайских хроник имелись в виду разные этнические культуры, придерживается исследовательница этнической истории народа мохэ Е. И. Деревянко, проанализировавшая целый комплекс данных по народам Приамурья I тыс. н. э. [19]. Данная концепция была в целом поддержана С. А. Арутюновым, обратившим внимание, что, «как и в случае с хамниганами в позднейшее время, мы имеем здесь дело с разными уровнями монголизации (у шивэй – киданизации) исходного тунгусо-маньчжурского субстрата» [20, с. 173].

Анализируя представления о «нутуке» во взаимосвязи с проблемой типа хозяйства и географии расселения калмыков и их предков, обратимся к фольклорному материалу. Среди ойратских групп торгутов Монголии и Китая широко распространена песня «Мой торгутский нутук» (*Торгууд нутаг минь*, калм. *Торһд нутг минь*), которая является одним из этнических маркеров для представителей данной народности. Значение этой песни, наряду с некоторыми другими этноспецифическими характеристиками культуры торгутов, отличающей их от других ойратов, состоит в том, что она является своеобразным гимном родной территории, родине. Поэтому при встрече с соотечественниками, как правило, обязательно вспоминают данную песню, а во многих изданиях, посвященных культуре монгольских торгутов, обязательно публикуются ее слова:

*«Өндөр өндөр ууланд
Өнгийн будан татна.
Өсөж төрсөн торгууд нутаг
Өнөдл маньдаа санагдана.*

*Давхар давхар ууланд
Дангийн будан татна.
Далай их торгууд нутаг
Дандаа маньдаа санагдна.*

*Хар хээр морь минь
Хазаар даран тэмүүлнэ.
Ханагар их торгууд нутаг
Хавар намарт санагдана». [21, с. 75].*

«Высокие-высокие горы
Обволакиваются нависшим туманом.
Торгутский нутук, в котором родился и вырос,
Вечно будет нам вспоминаться.

Складчатые горы
Покрываются совершенно туманом
Как океан, большой нутук торгутов
Постоянно нам вспоминается.

Черно-гнедой конь мой,
Не подчиняясь узде, стремится вперед.
Чрезвычайно огромный нутук торгутов
Весной и осенью [т. е. круглый год] вспоминается».

В фольклорном тексте понятие «нутук» характеризуется как территория, родная для представителей определенной этнической группы, причем покинутая ими, а потому постоянно («круглый год», «вечно») вспоминаемая. Последние характеристики позволяют предположить, что в гимне родине фигурируют географические реалии, возможно, уже не характерные для региона проживания представителей данной этнической группы, тем более, что имеется упоминание коня, стремящегося вдале вместе с хозяином. В данном контексте «нутук» выступает не в значении «кочевье», поскольку система кочевков скотоводов предполагает цикличность и возвращение на определенные места летовок и зимовок. Фольклорный материал позволяет сделать вывод о значении понятия «нутук» – «родина, место рождения», а также о том, что оно может быть обусловлено не переходом от кочевого к полuosедлому образу жизни, но и более ранними периодами в истории этносов.

Бытование данной песни-гимна родине связано с потомками населения, расселенного на территории Цинской империи после прихода части калмыков, уведенных наместником Убаши из пределов Калмыцкого ханства в 1771 году. Среди них китайская историография выделяла «старых» торгутов (откочевавших в начале XVII века на территорию Российского государства и составлявших большую часть калмыков до второй половины XVIII века) и «новых» торгутов – потомков тех, кто остался в XVII веке в составе Джунгарского ханства, бежавших после разгрома последнего в 1758 году в Россию. Таким образом, ареал бытования фольклорной традиции, воспевающей родные территории торгутов, свидетельствует о древнем происхождении гимнической песни, имевшей распространение и среди населения Калмыцкого ханства.

Песня под названием «*Нутг*» присутствует в репертуаре калмыцкого композитора и певца А. Манджиева, активно сотрудничающего с монгольской художественной интеллигенцией, выступавшего с гастролями среди потомков калмыков-торгутов, ныне входящих в состав населения СУАР КНР. В тексте песни, исполняемой нашим современником, не упоминается «нутук» как место рождения, что позволяет сделать вывод о том, что песня посвящается памяти о далеком крае, где проживают соотечественники, и который воспринимается как прародина калмыков. Кроме того, заметны нововведения, продиктованные стремлением внести ясность в образный строй. Тема вечности, характерная для древнего гимна («вечно будет вспоминаться»), заменена в современной песне темой повседневности («и днем, и вечером»); появляются реалии, связанные с природой Калмыкии – цветы, покрывающие горы, широкая территория; неясным для аудитории может оказаться геологический термин *давхр уул* («складчатые горы»), тем

более, что правильному пониманию этого термина противоречит образ гор, покрытых цветами:

*Өндр-өндр уул деер
Өнгтэ цецгүд делгэтэ.
Өргн ик торһуд нутг минь
Өдр-асхнд-ла сангдна.*

*Давхр-давхр уули деер
Даңгин будан татна.
Дала ик торһуд нутг минь
Данднь манд-ла сангдна.*

*Хар-хар мөрн-яла
Хазаран дахад цорвлна.
Хальмгин ик торһуд нутг минь
Хаврт намрт сангдна.*

Высокие горы
Покрыты сплошь разноцветными цветами.
Широкий и большой мой нутук торгутский
И днем, и вечером вспоминается.
Складчатые горы
Постоянно покрываются туманом.
Как океан, большой торгутский нутук мой
Всегда нам вспоминается.
Черный конь
Следует за уздой.
Калмыцкий большой нутук мой торгутский
Вспоминается весной и осенью.

В варианте начала XX века, также подвергшемся своеобразной трансформации, обнаруживаем ойратский гимн родине в сборнике калмыцких песен под названием «Песня 1914-го года». Начальная часть песни, в которой повествуется о походе на территорию Австрии (Австро-Венгрии) в период Первой мировой войны, завершающаяся благопожеланием благополучно и в здравии вернуться домой, является лишь поводом к исполнению основного текста, в котором так же, как и в песне монгольских и китайских торгутов «*Торһуд нутг минь*», упоминаются реалии древней прародины:

«Арвн дөрвдгч жилднь
Австрин дээнднь одлав.
Австрин дээнднь орв чигн
Амулц мөнд ирий.

Давхр-давхр ууласнь
Дэки будан тасрхи.
Дала өргн **һазр-усм**
Дангин уханас **һархи.**
Өндр-өндр ууласнь
Онъдин чеежэс **һархи.**
Өнр мана **һазр-усн**
Онъдин чеежэс **һархи.** [19, с. 46].

«В четырнадцатом году
Отправлялся я на австрийскую войну,
Хоть и вступили в австрийскую войну,
В здравии и благополучии вернемся!
Со складчатых гор
Вновь не сходит туман.
Широкая, как океан, **земля-вода** моя
Не выходит из головы [вспоминается постоянно].
Высокие-высокие горы
Никогда не уйдут из сердца
Богатая наша **земля-вода**
Никогда не уходит из сердца».

В калмыцком варианте начала XX века отсутствует термин *нутг*, под которым в тот период уже подразумевалась территория определенной этнической группы, в границах часто совпадавшая в территориально-административными единицами – аймаками (*ээмг*). В этом тексте, имеющем сходство с ойратским текстом, понятие *нутг* заменено на понятие *һазр-усн* («земля-вода»), не имеющее значения «прародина», переводимое исследователями и как «белый свет» [4, с. 124].

Таким образом, фольклорные материалы свидетельствуют о том, что значение понятия «нутук» – «родина, место рождения» может быть обусловлено не переходом от кочевого к полуседлому образу жизни, а более ранними периодами в истории этносов, «лесным» периодом – для ойратов. Замена термина *нутг* в варианте песни начала XX века (хозяйство калмыков являлось полуседлым) на термин *һазр-усн* («земля-вода»)

обусловлена появлением к тому времени взаимосвязи понятия «нутук» с территориально-административными единицами Калмыкии, памятью о назначении песни – гимна прародине, а также более широким значением второго понятия. Отсутствие в данных фольклорных материалах элементов, восходящих к кочевому типу хозяйствования, является свидетельством ее древности и глубинного содержания понятия *нутг*.

Указанные материалы дают возможность реконструировать представления о прародине части ойратов и калмыков: она характеризуется широкими просторами территории и складчатыми горами, постоянно покрытыми туманом. Гимническая песня, воспевающая родные места, может рассматриваться как один из константных маркеров, связанных с этнической прародиной ойратов-торгутов Монголии, Китая, а также Калмыкии.

В описании древнего «нутука» ойратов-торгутов упоминаются складчатые горы. «Складчатыми горами» называются горы, возникающие в подвижных зонах земной коры (геосинклиналиях). К складчатым горам относятся горы системы Алтая – сложной системы самых высоких в Сибири хребтов. Зоны складчатости имеются и на территории, расположенной к востоку и северо-востоку от Монголии – в Амурской области, в Приморье, а также на северо-востоке Китая, севере Кореи. Таким образом, относительно вопроса о географии первоначального расселения ойратов данные фольклора указывают на обширную зону высоких складчатых гор и широкие долины, и на наличие обильных водных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
2. Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. М. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.
3. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Удан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
4. Содномпилова М. М. Концепт «Родина» в мировоззрении монгольских народов // Этнографическое обозрение, № 3. М., 2007. С. 117–124.
5. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. С. 295–488.
6. Дашибалов Б. Б. О становлении монгольского кочевничества // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 4–12.

7. Стариков В. С. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967. 255 с.
8. Рассадин В. И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 55–80.
9. Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
10. Санчилов В. П. Ойраты накануне образования монгольского раннефеодального государства Чингис-хана в конце XII – начале XIII в. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста, 2003. С. 211–217.
11. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
12. Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 234 с.
13. Дашибалов Б. Б., Рассадин В. И. Откуда вышли предки монголов? // Восточная коллекция. Зима. 2004. № 4 (19). С. 34–41.
14. Неклюдов С. Ю. Ойрат-калмыцкая мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Совет. Энцикл., 1988. С. 247–248.
15. Бембеев Е. В., Асирова Н. Д. К вопросу о семантике пространственных послелогов калмыцкого языка XVIII века (на материале исторических писем) // Вестник Калмыцкого института угманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 75–81.
16. Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 196 с.
17. Убушиева Д. В. Мотив преодоления водного пространства и преодоления пути посредством скачек (на материале песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Монголоведение. № 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 349–356.
18. Зориктуев Б. Р. Эргунэ-кун и начальные этапы монгольской истории. // Монгольская империя: этнополитическая история. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 9–68.
19. Деревянко Е. И. Племена Приамурья. I тысячелетие новой эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с.
20. Арутюнов С. А. Рец. на: Деревянко Е. И. Племена Приамурья. I тысячелетие новой эры. Очерки этнической истории и культуры. Новосибирск: Наука, 1981. 333 с. // Советская этнография. 1984. № 3. С. 170–173.
21. Вангийн торгуудын түмний түүхэн дурдатгал. Улаанбаатар, 2003. 233 с.
22. Төрскн назрин дуд. Хальмг улсин кезэнк болн өдгэ цагин дуд. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1989. 318 с.